

Malenová, Eva

**Советская идеология и чехословацкая детская литература :
(на материале журнала *Mateřídouška*)**

In: *Problémy poetiky*. Dohnal, Josef (editor); Kšicová, Danuše (editor); Pospíšil, Ivo (editor). 1. vyd. Brno: Ústav slavistiky Filozofické fakulty Masarykovy univerzity., 2006, pp. 123-129

ISBN 802104179X

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/132673>

Access Date: 16. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

СОВЕТСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ И ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА (НА МАТЕРИАЛЕ ЖУРНАЛА *MATEŘÍDOUŠKA*)

EVA MALENOVÁ (BRNO)

Толчком к этой теме стал для меня выпуск детского журнала *Mateřídouška* 50-ого года прошлого века. Интоксикация советской идеологией в нём заметна буквально с первого взгляда, и это касается не только переводов русских писателей, а также произведений чехословацких авторов и одновременно и писем чехословацких детей в редакцию журнала. Так как журнал *Mateřídouška* издается с конца 1945-ого года, можно было проследить развитие советского влияния и возникшие по этому поводу изменения в поэтике журнала. Особенно интенсивно советская идеология проникала в журнал с 1948 года до половины 50-ых годов. Этот период является предметом моего исследования.

Название журнала «*Mateřídouška*» (в русском языке «тимьян» – богородская трава) возникло ассоциативно с названием сборника народного творчества К. Я. Эрбена. Основателем „*Mateřídoušky*“ был чешский поэт František Hrubín. Первый номер журнала для детей дошкольного и младшего школьного возраста появился в декабре 1945 и в нём публиковались выдающиеся поэты, как например, Jaroslav Seifert, František Halas, František Hrubín, Josef Lada. Первый выпуск журнала основал традицию регулярного печатания переводов сказок и рассказов (чаще всего русских, французских и американских), фольклорных текстов (стишки, коляды...); последнюю страницу заполнял художник Ondřej Sekora со своей серией о муравье Ферде (эта традиция была прервана в конце 50-ого года, когда на её смену пришла пропаганда шахтерской профессии). Изначально преобладали в журнале стихи над прозой, домашние произведения – над переводами; появлялись христианские мотивы. Журнал выходил каждые две

недели, и его можно было характеризовать как художественный журнал для детей.

Первое нарушение указанных традиций коснулось переводных сказок. С июня 1948 года исчезли из журнала американские и французские сказки; начали больше публиковаться переводы напр. с польского языка; вплоть до второй половины 50-ых годов журнал односторонне зависел от переводов с русского¹. Печатались напр.: В. Бианки, Е. Чарушин, М. Горкий, В. Маяковский, С. Маршак, С. Михалков, Н. Носов, В. Осеева, М. Пришвин, Л. Н. Толстой, А. Толстой, А. Гайдар и многие другие, причём большинство этих переводов носило идеологическую окраску.

Христианские мотивы исчезали постепенно, но перелом можно демонстрировать в произведениях основателя журнала Františka Hrubína: ещё в декабре 1948 печаталось в журнале его стихотворение с откровенно христианской тематикой «В Вифлеем» (Do Betléma): „Mámo, pust' mne do Betlema,/ Ježíšek si s kým hrát nemá,/ [...] Mámo, ty si zpívej zatím,/ však já se ti brzy vrátím/ s drobtlem chleba, s kapkou vína/ od úst Mariina syna.“² В январе следующего года у того же писателя появляется заводская тематика «Заводы на солнце» (Továrny na slunci); хотя необходимо заметить, что František Hrubín никогда не стал «певцом коммунизма», однако его стихи были напечатаны на одной странице со стихотворением «Пятилетка» (Pětiletka).

Изменения также коснулись уже упомянутой серии о муравье Ферде. Например, в январе 1949 она несёт название «Муравей Ферда работает для пятилетки» (Ferda mravenec pracuje pro pětiletku); в феврале «Муравей Ферда модернизирует муравейник» (Ferda mravenec modernisuje mraveniště) и т. д.

Советская идеология проявлялась, конечно, не только в литературе для детей, а прежде всего в теории и критике детской литературы. Нередко переводились статьи советских критиков, например, в критическом обозрении детской литературы „Štěpnice“ номер 8, 1949-ого года была опубликована переводная статья А. С. Макаренко с названием: Воспитание культурных навыков (Výchova kulturních návyků): «[...] существует много интересных легенд об Иване дурачке, но из

¹ „Od druhé poloviny 50. let přestala být Mateřídouška jednostranně závislá na překladech ze sovětských dětských časopisů.“ (Dokoupil, B.: Slovník českých literárních časopisů, periodických literárních sborníků a almanachů 1945-2000. Brno, 2002, s. 146.)

² Mateřídouška, prosinec 1948, s. 56.

них надо выбирать только те, в которых человеческая глупость наказана, и в которых называют Ивана глупым только иронически». Применение таких требований можно наглядно демонстрировать в журнале Mateřidouška. „Hloupý Honza“ – фигура типичная для чешского фольклора (чешский антипод Ивана дурачка) – тенденциозно меняется под влиянием идеологии. В первом номере журнала в сказке Josefa Lady он ещё выступает как глупый ленивый персонаж, который из-за своей лени не пошёл спасать принцессу. После 1948 года появляются только варианты сказок, в которых Honza или Иван побеждают глупых богатых королей, князей или злых братьев, короче говоря, после переворота Honza всегда трудолюбивый и глупым он только кажется.

Назову ещё одну заметную тенденцию из критического обозрения Štěpnice. В ноябре 1947 публиковалась статья с названием „Profil americké dětské knihy“ – это рассудительная характеристика американской детской литературы конца второй мировой войны и прежде всего 1945 года. Два года спустя появилась в том же журнале статья, показывающая американскую литературу для детей как сплошную порнографию и одно из свидетельств неполноценности капитализма³. Эти тенденции также оказали влияние на журнал Mateřidouška. Я уже упоминала исчезновение американских сказок из журнала после июня 1948 года, постепенно нарастают стремления показывать детям всё американское как символ зла.

Следующее изменение, совершаемое под явным влиянием идеологии, коснулось в поэтике журнала основы волшебной сказки. Так как всё волшебное советской идеологии не нужно, меняются традиционные сюжеты – например, сказка К. Эрбена «Tři zlaté vlasy děda Vševedá» стала пропагандой мудрого Сталина: „Byl by na světě děd Vševed – jasně sluníčko, který by dovedl poradit? [...] Ano. Našel se moudrý člověk, jmenuje se Stalin. Dlouho se radil s inženýry a dělníky, přemýšlel a pak poradil, rozhodl.“⁴

³ „Ukazují (fakta – doplnila EM) také onu nesmírně hlubokou propast mezi anarchisticky vydávanou a na zisk vypočítanou „dětskou literaturou“ dnešní Ameriky, která e rovněž jedním z dokladů zřúdné zhoubnosti kapitalismu a mezi nesmírnou a odpovědnou péčí SSSR a lidových demokracií o výchovu dětského čtenáře k uvědomění, k výchově k mravnosti, čestnosti, k opravdovému socialistickému humanismu. Kapitalistická braková „dětská literatura“ vychovává, jak z tohoto článku vidno, naopak ke zločinnosti a nemravnosti.“ (Štěpnice 1949, č. 10, s. 148-150).

⁴ Černý, K.: O velkých studnách živé vody. Mateřidouška, listopad 1950, s. 58-59.

В период самого сильного влияния советской идеологии (что касается приблизительно периода с 1948 года по половину 50-ых годов) можно выделить несколько повторяющихся символов, своеобразных советских мифологем:

1. Символ идеализированного вождя (Ленин, Сталин, Готвальд и др.)

В этом случае использовалось сильное эмоциональное воздействие на детские души. Сталин – вождь, самый мудрый и одновременно самый близкий человек рядом с отцом и матерью. В связи с чехословацкими вождями проявлялась та же идеологизация и идеализация. Например, у Jana Nohy – стихотворение «Lenin»: „Lenin byl jako slunce/ pln světla, plný víry...» (s. 39, 15. října 1950); Noha, Jan: «Žije člověk»: „Žije člověk,/ má rád děti,/ má rád dobré lidi,/ svými sny/ a svými skutky/ do daleka vidí!// Vidí, jak si děti hrají/ a jak lidé žijí,/ kde už pole dozrávají/ a kde ještě sijí,/ vidí lesy, řeky, moře,/ města práce plná,/ jeho slovem lidské hoře/ mizí jako vlna!// Žije člověk,/ svými skutky/ do daleka vidí,/ je to Stalin,/ je to slunce/ pracujících lidí!“ (s. 103, 15. prosince 1950); Пятый выпуск журнала в 1952 году был посвящен специально К. Готвальду. Jindřich Hilčr: Myslíme na vás. „Přijměte vroucí, vroucí dřík,/ přijměte doušku rozechvělou./ Do boje za mír, bojovník,/ vedete znovu zemi celou.// ... Myslíme na vás každý den,/ jak na lásku se vroucně myslí./ Máme vás prostě v srdci svém,/ v každém svém slově, v každé písni.“ (Mateřídouška, 1952, s. 66.)

2. Символ революции,

- как нового справедливого света. Здесь, та же идеализация и сглаживание противоречий. Maršak, S.: Sedmý listopad v Moskvě. „Rudou barvou dneska září/ sedmička v mém kalendáři./ Podívej se oknem: všude/ v ulicích je všechno rudé.// Každé okno, každá střecha/ jako by dnes hořela./ Tam, kde jindy tramvaj spěchá,/ kapela jde zvesela.// Celá země – i my děti/ velký svátek máme dnes./ Rudý balonek můj letí,/ přímo k obloze se vznese.“ (s. 40–41, 15. října 1950). Noha, Jan: Říjnová revoluce. „Rodiče moji neměli kde bydlet./ Boháči měli paláce./ My však už nikdy nepoznáme,/ co je to býti bez práce!// V palácích jsou dnes ozdravovny,/ pracovny našich závodů./ A zítra pro chleba si půjdem/ tak jako dneska pro vodu!// Kdo tohle všechno způsobil,/ kdo podal chudým ruce?/ Dělníci spolu s rolníky, Říjnová revoluce!“ (s. 36, 15. října 1950)

3. Преодоление человеком природы, подвиг

Например, Игорь Муратов в стихотворении «Poslušný déšť» рисует ситуацию, когда московские «soudruzi» (товарищи) организовали дождь во имя спасения урожая от засухи (Mateřidouška, 1. listopadu 1950, s. 59-60). Но в журнал присылали свои сочинения также сами дети – напр. стихотворение «Zlá, nevlídná je Kara-kum» написала „Alena Kuglerová, naše dopisovatelka ze 3. střední školy v Praze-Košlích“: „Zlá, nevlídná je Kara-Kum,/ ke zvířatům i ptákům;// člověk tam nemůže žít,/ není tam jídlo, není co pít.// Stalin dal z Moskvy příkaz všem/ udělat z pouště úrodnou zem.// Soudruzi přehrady postavili,/ v klasy se mění písek bílý.// Kde byla poušť, tam po letech/ obrovský kolchoz rozkvete.// ovocné sady, lesy, růže./ Člověka poušť už nepřemůže.“ (Mateřidouška, 15. dubna 1951, s. 244)

4. Работа, ударничество и перевыполнение плана

- как идеал и пример для подражания. Выдвигались лозунги типа: „V třetím roce pětiletky nechceme mít žádné pětky.“ Blažej, Jan: Jako táta. „Náš táta nosí montérky;/ je na nich olej a prach./ On je, panečku, z úderky/ a dělá na třech mašinách.// Já budu také úderník,/ do továrny s ním půjdu;/ jako on dělat na strojích/ a nejmíň na třech budu.“ (s. 9, 1. září 1950).

Пропагандировалась профессия шахтёра – как самая престижная, отвечающая духу времени. Специальный выпуск журнала, посвящённый профессии шахтёров, публиковался 1 мая 1951, напр. Czerkawska, M.: Horník. „Můj táta je horník,/ to je velký pán./ O plných sto procent/ překračuje plán.// Až já budu horník,/ oba budem pány./ Pak spolu o dvě stě/ překročíme plány!“ (s. 259, 1. května 1951)

5. Враги народа

Необходимо отметить, что врагом считалась лень рядом с капиталистами и прежде всего американцами; детская литература была переполнена поисками классовых врагов народа. Напр. у Сергея Михалкова стихотворение «Они и мы» – Где «они» - там зло, тьма, где «мы» – там всегда свет и правда. Michalkov, Sergej: Oni a my: „O nové válce hovoří oni,/ atomovou pumou straší svět.// My v míru rosteme, stavíme domy/ pod světlým nebem do budoucích let.“ (s. 125, 1. ledna 1951)

6. Пролетарский интернационализм

Эта тема внедрялась в сознание детей, с акцентом на дружественные страны – Китай, Чехословакия, СССР, Венгрия и т. д. Janczarski, Czeslaw: Chceme se učit. „Radostně dneska ve školních zdech/ učí se ma-

lý Maďar i Čech.// Také náš přítel maličký Váňa/ do školy spěchá každého rána.// Maličký Číňan tak jako my/ učí se sčítat: jeden, dva, tři.// Ale jsou ještě kraje na zemi,/ kde děti nežijí, jak žijeme my.// Dělnický chlapec v Japonsku má hlad,/ chtěl by se učít psát i počítat. [...] (s. 164, 1. února 1951)

7. Пионер

Частое описание вступления в пионеры как счастливейшего мгновения в жизни чехословацких детей. „Nejkrásnější chvíle“ (od Jarky Tůmové ze 4. střední školy v Praze-Košířích): „Moje nejkrásnější chvíle byla tehdy, když jsem měla skládat čestný pionýrský slib.“ (s. 86, 1. prosince 1950).

Можно заключить, что в детской литературе в Чехословакии произошёл после 1948-ого года подобный поворот, как в России после Революции 1917-ого года. Журнал *Mateřídouška* стал явно политически ангажированным, заимствовал советскую тематику и следовал требованиям теоретиков и критиков детской литературы. Вплоть до второй половины 50-ых годов журнал вполне зависел от переводов с русского языка. С 60-ых годов начался период, когда журнал «сосредоточился более на современном домашнем творчестве и классике мировой литературы»⁵. Конечно, советская идеология проявлялась не во всех текстах журнала. Переводились также тексты о природе (напр. «Лесная газета» Василия Бианки), в журнал также продолжали писать чешские поэты, в том числе, František Hrubín и др. Но всё-таки в период мной исследованный преобладает материал, несущий идеологическую печать. В поэтике текстов можно наблюдать, кроме повторяющихся символов, тенденции к схематическому изображению – всё советское является идеальным. Дети изображаются как маленькие взрослые – они сознательные, трудолюбивые, любящие свою родину и служащие ей. Жанр волшебной сказки был исключён; стремление к конкретно реалистическому, а главное, актуальному, отражению советской действительности было по сути псевдореальным и искажённым в своей основе.

⁵ „Od 60. let se *Mateřídouška* soustředila spíše na současnou domácí tvorbu a zlatý fond světové literatury...“ (Dokoupil, B., s. 146)

Литература

- Makarenko, A. S.: Výchova kulturních návyků. In: Štěpnice, kritická revue tvorby pro mládež. Praha, 1949, roč. II, číslo 8-9, s. 121-126.
- Hykeš, P.: Funkce časopisu pro děti a mládež. In: Štěpnice, kritická revue tvorby pro mládež. Praha, 1949, roč. II, číslo 6-7, s. 84 – 88.
- Dokoupil, B.: Slovník českých literárních časopisů, periodických literárních sborníků a almanachů 1945 – 2000. Brno, 2002, s. 145 – 149.
- Putilova, E. O.: Očerki po istorii kritiki sovetskoj detskoj literatury 1917-1941. Moskva, 1982.
- Mateřidouška. (1945 – 1956).

Zusammenfassung

Die Kinderzeitschrift Mateřidouška wurde im Jahre 1945 vom Schriftsteller František Hrubín gegründet. Mateřidouška erscheint in Tschechien bis heute und der Charakter dieser Zeitschrift wurde mehrmals ideologisch geändert. Zu den wichtigsten Änderungen kam es seit dem Jahr 1948 bis 2. Hälfte der 50er Jahre; zu dieser Zeit war der Einfluss der sowjetischen Ideologie am stärksten.

